

*С.Н. Новиков, С.В. Канаев, Р.В. Новиков, Н.Д. Ильин,
М.Ю. Готовчикова, М.М. Гиршович*

Клинический опыт использования брахитерапии источниками высокой мощности дозы для монотерапии больных раком предстательной железы

ФГБУ «НМИЦ онкологии имени Н. Н. Петрова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург

Цель исследования: оценить эффективность и безопасность брахитерапии рака предстательной железы (РПЖ) источником высокой мощности дозы (БТ-ВМД) в режиме монотерапии.

Материалы и методы: с 1 июля 2012 года по 1 июня 2017 года БТ-ВМД использовалась для качества метода монотерапии 198 больных РПЖ. Лечебный протокол был представлен двумя схемами лечения: два сеанса по 13 Гр — 67 (33,8%) пациентов и три сеанса по 11,5 Гр — 131 (66,2%) человек. Критериями включения являлись: отсутствие данных за поражение регионарных лимфатических узлов и наличие отдаленных метастазов ($cT_{1-3}N_0M_0$), отсутствие выраженных обструктивных нарушений со стороны мочевыводящих путей (объем остаточной мочи менее 50 мл, IPSS менее 20 баллов, максимальная скорость мочеиспускания ≥ 10 мл/сек). У всех пациентов за одну госпитализацию выполнялся 1 сеанс БТ-ВМД по схеме — 1 фракция за 1 имплантацию. Оценка нежелательных последствий лучевого лечения осуществлялась в соответствии с общепринятыми критериями RTOG/EORTC.

Результаты: медиана наблюдения за пациентами составила 28,7 [19,3; 36,6] (10,9-58,9) месяцев. Трёхлетняя выживаемость без признаков биохимического рецидива РПЖ составила 94,1%. Наиболее значимыми нелучевыми осложнениями БТ-ВМД явились тампонада мочевого пузыря сгустками крови (1,5%) и острая задержка мочи (ОЗМ) (2,5%), которые, во всех наблюдениях, удалось купировать консервативным путем. Ранние осложнения со стороны мочевыводящей системы 3-4 степени не отмечались. Наиболее значимым фактором появления ранней мочеполовой лучевой токсичности явилось наличие оперативных вмешательств в анамнезе ($p=0,000$). Формирование стриктуры уретры имело место в 1,6% случаев. До начала лечения выраженная эректильная дисфункция (менее 16 баллов по шкале МИЭФ-5) наблю-

дались в 28,8% случаев, через 24-36 месяцев после завершения БТ-ВМД эта величина составила 50,3%-52,9% случаев.

Выводы: БТ-ВМД в режиме монотерапии является эффективным и безопасным методом радикального лечения больных с локализованным РПЖ.

Ключевые слова: рак предстательной железы, брахитерапия, радиотерапия

Введение

В 2017 году впервые в рекомендациях европейской ассоциации урологов лучевая терапия (ЛТ) стала рассматриваться в качестве равноправного метода лечения рака предстательной железы (РПЖ) наряду с радикальной операцией [18]. Такое принципиальное изменение взглядов на вопрос выбора оптимального метода лечения при одном из наиболее распространённых онкологических заболеваний у мужского населения во всем мире стало возможным после опубликования результатов первого проспективного рандомизированного исследования ProtecT, включавшего в себя 1643 пациента [14]. Данная работа продемонстрировала, что показатели 10-ти летней общей и безметастатической выживаемости, а также, риск смерти от РПЖ были одинаковыми в группах радикального лечения (различные варианты ЛТ и радикальная простатэктомия (РПЭ)), в то время как безрецидивная выживаемость оказалось достоверно выше в группах, получающих радикальное лечение в сравнении с больными, оставленными под активным наблюдением [14]. На основании этих данных авторы сделали вывод о том, что выбор метода радикального лечения больных РПЖ группы низкого и промежуточного риска рецидива должен определяться, в первую очередь, в соответствии с риском возникновения осложнений предполагаемой терапии.

Несмотря на достижения, обусловленные внедрением в клиническую практику новых хирургических технологий (робот-ассистированная РПЭ) функциональные результаты этих вмеша-

тельств характеризуются достаточно высоким уровнем осложнений. Специалистам, занимающимся лечением РПЖ хорошо известно понятие «TRIFESTA» и «PENTAFESTA», которые помимо контроля над опухолевым процессом включают в себя еще и уровень недержания мочи, а также, процент сохранения адекватной эректильной функции [15]. Обзор данных, посвященных результатам хирургического лечения РПЖ указывает на то, что частота послеоперационного недержания мочи, в среднем, составляет 15-20%, а сохранение достаточной эректильной функции, даже при нерво-сберегающей технике, редко превышает 30% [13, 25].

Выбор в качестве метода лечения различных вариантов современной ЛТ характеризуется существенно более низким уровнем осложнений. Так, вероятность сохранить потенцию достигает 60-70%, а недержание мочи, в отличие от РПЭ, встречается в 1%-3%, носит характер функциональных нарушений и разрешается в течение первого года наблюдения [6, 8].

К современным методам лучевого лечения РПЖ, наряду со стереотаксической и протонной лучевой терапией, в полной мере можно отнести и БТ-ВМД. Очевидные технические преимущества этой технологии ЛТ, по сравнению с более распространенной технологией брахитерапии источниками низкой мощности дозы, дает веские основания для широкого клинического использования БТ-ВМД [3, 9, 24, 25, 27].

В предлагаемом исследовании нами будут представлены предварительные данные об эффективности и безопасности БТ-ВМД при лечении локализованного РПЖ в режиме монотерапии.

Материалы и методы

С 1 июля 2012 года по 1 июня 2017 года у 198 больных локализованным и местно-распространенным РПЖ нами проведена БТ-ВМД в режиме монотерапии. Использовались две базовые схемы подведения дозы: БТ-ВМД в режиме двух сеансов по 13 Гр проведена у 67 (33,8%) и три сеанса по 11,5 Гр — у 131 (66,2%) пациента. Критериями включения являлись: отсутствие данных за поражение регионарных лимфатических узлов и наличия отдаленных метастазов (сT1-3NoMo), отсутствие выраженных обструктивных нарушений со стороны мочевыводящих путей (объем остаточной мочи (ООМ) менее 50 мл, индекс IPSS менее 20 баллов, максимальная скорость мочеиспускания по данным урофлоуметрии (Q_{max}) ≥ 10 мл/сек). Оценка половой функции и качества жизни осуществлялись с помощью стандартных опросников с определением международного индекса эректильной функции (МИЭФ-5) и качества жизни (КЖ).

Распределение пациентов на группы в зависимости от риска рецидива РПЖ после лечения согласно рекомендациям NCCN [18, 20], представлено следующим образом: низкий риск — 44 (22,2%), промежуточный — 133 (67,2%) и высокий — 21 (10,6%) больной. В группе, состоящей из 51 пациента со сроками наблюдения не менее

36 мес. после завершения БТ-ВМД высокий риск рецидива определялся в 4, промежуточный — в 36, низкий — в 11 случаях.

Лечение проводилось на аппарате Microselectron (Elekta, Швеция) с источником ^{192}Ir высокой мощности дозы и планированием облучения на специализированной системе Oncentra Prostate (Elekta, Швеция). У всех пациентов за одну госпитализацию выполнялся 1 сеанс БТ-ВМД по схеме — 1 фракция за 1 имплантацию. Интервал между фракциями облучения составлял от двух до четырех недель, в среднем, три недели.

Биохимический рецидив после проведенного лечения определяли в соответствии с рекомендациями согласительной конференции RTOG-ASTRO: повышение сывороточного уровня ПСА более 2 нг/мл относительно наименьшего значения ПСА, достигнутого после завершения лечения [20, 26].

Оценка лучевых реакций и осложнений после ЛТ осуществлялась в соответствии общепринятыми критериями RTOG/EORTC и с учетом терминологических рекомендаций СТCAE v 3.0. [20, 26]. Проводилась оценка ранней лучевой токсичности и поздних осложнений ЛТ со стороны мочевыводящих путей (МПЛТ) и со стороны прямой кишки (ПЛТ).

Результаты

Нелучевые осложнения БТ-ВМД в режиме монотерапии. К этой категории были отнесены осложнения, наблюдающиеся во время выполнения процедуры БТ-ВМД и непосредственно после ее завершения.

Наличие примеси крови в моче наблюдалось у 122 (61,6%) пациентов. Медиана продолжительности гематурии составила 8,0 [6,0;10,0] (2,0-30,0) часов. Продолжительность макрогематурии более чем в 90,0% случаев не превышала 12 часов. Тампонада мочевого пузыря сгустками крови наблюдалась у трех (1,5%) из 198 пациентов и во всех случаях была купирована с помощью консервативной терапии.

Инфекционные осложнения были представлены эпидидимитами в сочетании с фуникулитами и отмечались у 3 (1,5%) из 198 пролеченных больных. Антибактериальная терапия была эффективной во всех случаях.

Крайней степенью дизурических расстройств является острая задержка мочи (ОЗМ). Это осложнение отмечено у пяти (2,5%) из 198 пациентов. Во всех случаях имела место однократная ОЗМ, которая диагностировалась в пределах первых суток после удаления уретрального катетера. Повторная катетеризация мочевого пузыря на срок от 2 до 3 суток с одновременным назначением α -блокаторов и противовоспалительной терапии позволила восстановить самостоятельное мочеиспускание у всех пациентов.

Ранние лучевые осложнения БТ-ВМД РПЖ в режиме монотерапии. Медиана общего числа мочеиспусканий в сутки у наблюдаемых пациентов через три месяца после БТ-ВМД составила 9,0 [8,0; 10,0] (6,0-15,0), что по срав-

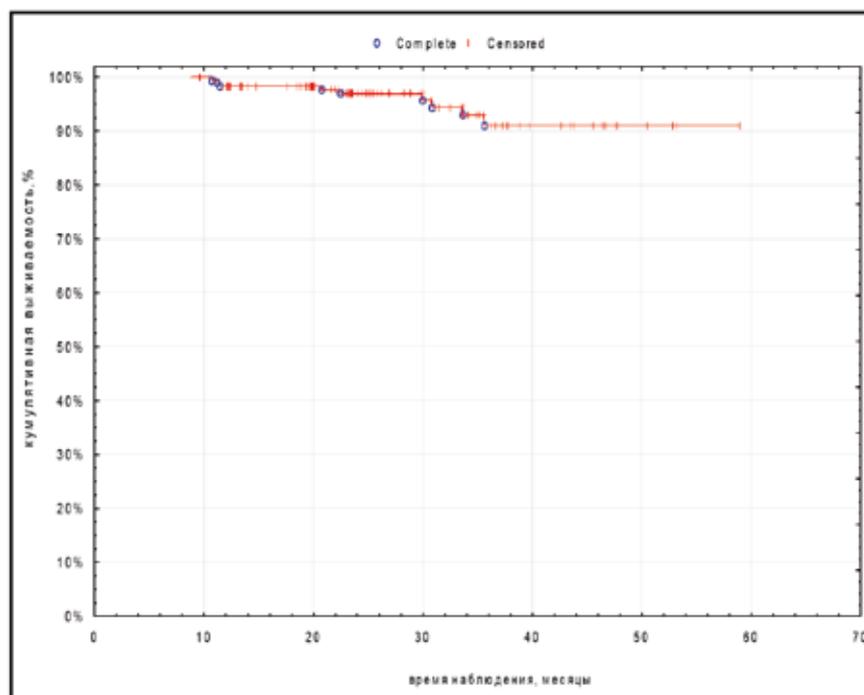

Рис.1. Трехлетняя выживаемость больных без признаков биохимического рецидива рака предстательной железы брахитерапии источниками высокой мощности дозы в режиме монотерапии

Таблица 1. Степень выраженности ранних лучевых реакций со стороны органов мочеполовой системы и прямой кишки в течение первых трех месяцев после окончания брахитерапии источниками высокой мощности дозы

Токсичность (RTOG/EORTC)	Органы мочеполовой системы		Прямая кишка	
	Абс.	%	Абс.	%
отсутствует	63	31,8	189	95,5
I степени	103	52,0	7	3,5
II степени	32	16,2	2	1,0
III степени	-	-	-	-
Всего	198	100	198	100

Таблица 2. Степень выраженности поздних лучевых осложнений со стороны мочеполовой системы через 12, 24 и 36 месяцев после брахитерапии источниками высокой мощности дозы

Токсичность (RTOG/EORTC)	Время после окончания облучения					
	12 месяцев		24 месяца		36 месяцев	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
отсутствует	94	59,1	78	64,5	38	74,5
I степени	58	31,8	27	22,3	7	13,8
II степени	31	7,6	13	10,7	5	9,8
III степени	1	1,5	3	2,5	1	1,9
Всего	184	100	121	100	51	100

Таблица 3. Динамика индекса эректильной функции (МИЭФ-5) в различные сроки после окончания брахитерапии источниками высокой мощности дозы

Эректильная функция (МИЭФ-5, балл)	Время после окончания облучения							
	До лечения		12 месяцев		24 месяца		36 месяцев	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
норма (21-25)	36	18,2	7	3,8	4	3,3	-	-
легкая дисфункция (16-20)	57	28,8	44	23,9	28	23,1	8	15,7
умеренная дисфункция (11-15)	48	24,2	50	27,2	28	23,1	16	31,4
выраженная дисфункция (5-10)	30	15,2	36	19,6	29	23,9	17	33,3
отсутствие функции (менее 5)	27	13,6	47	25,5	32	26,4	10	19,6
Всего	198	100	184	100	121	100	51	100

МИЭФ-5 – международный индекс эректильной функции

Таблица 4. Степень выраженности поздних лучевых осложнений со стороны прямой кишки через 12, 24 и 36 месяцев после брахитерапии источниками высокой мощности дозы

Токсичность (RTOG/EORTC)	Сроки после облучения					
	12 месяцев		24 месяца		36 месяцев	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
отсутствует	177	95,5	117	96,7	49	96,1
I степени	6	3,0	4	3,3	2	3,9
II степени	1	1,5	-	-	-	-
III степени	-	-	-	-	-	-
Всего	184	100	121	100	51	100

нению с исходным значением свидетельствует об увеличении, в среднем, с семи до девяти раз ($p=0,001$). Аналогичные изменения ($p=0,001$) отмечены и по другим показателям (ургентность, частота ночной поллакиурии, недержание мочи и болезненность при мочеиспускании) дневника мочеиспускания, заполненного до и после БТ-ВМД через 3 месяца.

Медианы значений IPSS до и через три месяца после БТ-ВМД составили 8,0 [4,0; 12,0] (0,0-21,0) и 12,0 [7,0;16,0] (1,0-28,0) баллов, соответственно ($p=0,001$). По показателю КЖ изменения также носили значимый характер: 2,0 [2,0;3,0] (1,0-4,0) и 3,0 [3,0;4,0] (1,0-5,0) баллов, соответственно ($p=0,001$).

Исходные значения медиан урофлоуметрического показателя Q_{max} и ООМ составили 15,0 [12,7;18,0] (9,0-36,0) мл/сек и 15,0 [0,0;26,0] (0,0-57,0) см³, а через три месяца после БТ-ВМД — 14,3 [12,0; 17,0] (7,0-30,0) мл/сек и 20,0 [10,0; 30,0] (0,0-70,0) см³, соответственно. По обоим показателям продемонстрировано небольшое, но значимое увеличение обструктивных изменений после БТ-ВМД ($p=0,001$).

Ни у одного из наблюдаемых пациентов не отмечено выраженной (≥ 3 степени) Р-МПЛТ. Умеренная (2 степени) Р-МПЛТ характеризовалась выраженным болевым синдромом, ургентностью (2-3 балла) и недержанием мочи. Недержание мочи зарегистрировано у 20 (10,1%) пациентов: I степени — в 15, II степени — в 4 и III степени — в 1 случае. Необходимо отметить, что в большинстве случаев недержание мочи проявлялось ургентностью и только у одного (0,5%) из 198 больных недержание мочи III степени носило смешанный характер.

Оценка эректильной функции (ЭФ) через три месяца после лечения показала, что медиана значений МИЭФ-5 в группах составила: до лечения — 15,0 [10,0;20,0] (1,0-25,0) баллов, после — 10,0 [4,0; 10,0] (1,0-21,0) баллов. Таким образом, после БТ-ВМД наблюдается существенное снижение ЭФ по сравнению с исходным уровнем ($p=0,000$). Обращает на себя внимание достаточно высокий процент пациен-

тов, имеющих выраженную эректильную дисфункцию (ЭД) (1-10 баллов) — 57,4%. Опрос пациентов показывает, что во многих случаях в этот период расстройства носят психогенный характер и в их основе лежит боязнь «возможного рецидива заболевания» из-за начала половой жизни, гемоспермия.

Данные дневника дефекаций, заполненного через три месяца после БТ-ВМД, свидетельствуют о низкой частоте лучевых осложнений со стороны прямой кишки. Эпизоды непроизвольного стула отмечены у двух (1,0%) из 198 пациентов. Наличие крови и слизи при дефекации не было ни у одного наблюдаемого.

Болевой синдром в области прямой кишки вне акта дефекации имел место у двух больных. В 6 случаях (3,0%) появление болезненных ощущений сопровождало акт дефекации. У 2-х из этих 6 больных боль носила выраженный характер (2 балла), что послужило основанием к назначению медикаментозной терапии (противоболевой) и отнесению этих случаев к группе лучевой токсичности II степени. В табл. 1 представлено распределение пациентов в зависимости от выраженности ранней МПЛТ и ранней ПЛТ, представленного в виде интегрального балльного показателя по RTOG/EORTC [26].

Поздние осложнения БТ-ВМД РПЖ в режиме монотерапии. Оценка поздней МПЛТ осуществлялась через 3, 12, 24 и 36 месяцев после окончания курса БТ-ВМД. Через три месяца после окончания БТ-ВМД отмечалось увеличение частоты мочеиспусканий — в среднем на два акта, с последующим постепенным снижением. Медианы общего числа мочеиспусканий через один, два и три года после лучевого лечения составили 8,0 [7,0; 9,0] (5,0-12,0), 8,0 [7,0; 9,0] (5,0-15,0) и 7,0 [7,0; 8,0] (6,0-12,0) раз в сутки ($p=0,000$). Таким образом, к исходу трех лет после БТ-ВМД этот показатель возвращается к исходным значениям.

Дисперсионный анализ продемонстрировал существенное различие величин IPSS в различные интервалы времени после окончания БТ-ВМД ($p=0,001$). При парном статистическом

сравнении с исходным уровнем было показано, что у пациентов через 12 месяцев после БТ-ВМД повышение показателя IPSS носит значимый характер ($p=0,001$), в то время как через два и три года изменения практически не отличались от базовых ($p=0,32$ и $p=0,33$).

Медианы значений $Q_{\max}$ через 12, 24 и 36 месяцев составили 14,9 [13,1;17,0] (7,0-25,0), 14,7 [13,2;16,0] (4,2-23,0) и 14,1 [13,0;16,0] (6,0-29,0) мл/сек, соответственно. Анализ динамики величины максимальной скорости мочеиспускания посредством рангового дисперсионного анализа множественных зависимых переменных показал отсутствие существенных изменений этого показателя в зависимости от фактора времени при оценке поздней МПЛТ ($p<0,05$). Аналогичные зависимости продемонстрированы на примере изменений ООМ: значимые отличия в группах отмечены только через три месяца после лечения ($p=0,001$), в то время как начиная с 12 месяцев после окончания лучевого лечения эти изменения носили незначимый характер ($p>0,05$).

Распределение пациентов в зависимости от величины показателя поздней МПЛТ по RTOG/EORTC [26], представлено в табл. 1. В обследованной группе ни в одном случае не возникали тяжелые постлучевые осложнения IV-V степени. Поздняя МПЛТ III степени зарегистрирована у трех больных и была представлена стриктурой уретры. Наиболее часто поздняя МПЛТ проявлялась в виде дизурических явлений, не требующих назначения лечения (токсичность I степени). Более значимая поздняя МПЛТ II степени проявлялась дизурией, требовавшей назначения медикаментозной терапии, и периодической макрогематурией.

Всего, среди 184 пациентов с минимальным периодом наблюдения в один год, отмечено три (1,6%) случая стриктурной болезни уретры. У всех трех пациентов сужение локализовалось в мембранозном отделе мочеиспускательного канала и рассматривалось нами как радиационное осложнение.

Клинически формирование стриктуры уретры у двух пациентов манифестировало прогрессирующим увеличением выраженности проявлений инфравезикальной обструкции, у одного — ОЗМ, потребовавшей наложения надлобкового моче-пузырного свища. Сроки формирования стриктур были следующими: в течение первого года — один пациент, второго — два человека.

В связи с незначительной частотой данного осложнения отдельно статистический анализ причин стриктурообразования не осуществлялся. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что у двух из трех пациентов в анамнезе имелись оперативные вмешательства на ПЖ,

сроком более одного года до лучевого воздействия. В качестве лечебной манипуляции двум пациентам с сужением уретры была выполнена внутренняя оптическая уретротомия. При последующем наблюдении одному из них, в связи с рецидивом стриктуры, выполнена повторная операция (буккальная пластика) с удовлетворительным результатом. Один пациент, учитывая сохранность самостоятельного мочеиспускания, от оперативной коррекции отказался.

Детальная характеристика пациентов в зависимости от статуса эректильной функции через 12, 24 и 36 месяцев после лечения представлена в табл. 2. Обращает на себя внимание некоторое повышение показателя через 12 месяцев, возможно обусловленное снижением влияния психогенного фактора.

Распределение пациентов в группы в зависимости от величины показателя поздней ПЛТ по RTOG/EORTC представлено в табл. 3. Через 12 месяцев после БТ-ВМД учащенный стул (3 раза в сутки) отмечен у двух (1,1%) пациентов. Эпизоды непроизвольной дефекации, обусловленной появлением выраженных императивных позывов, выявлены в трех (1,6%) случаях. У одного (0,5%) больного через шесть месяцев после завершения лечения сохранялись жалобы на жидкий стул. Болевой синдром в области прямой кишки вне акта дефекации отмечался у одного (0,5%) пациента и болезненная дефекация у другого (0,5%). В обоих наблюдениях болевой синдром носил незначительный характер (1 балл) и не требовал медикаментозной коррекции. Признаки умеренного кровотечения из прямой кишки (вне акта дефекации) отмечались у одного (0,5%) пациента, что послужило основанием к отнесению его к группе II степени П-ПИЛТ.

Через 24 месяца наблюдения все четыре (3,3%) из 121 случаев, отнесенных к поздней ПЛТ I степени, были обусловлены периодическим наличием видимой примеси крови в кале при дефекации. Оценка частоты и выраженности поздней ПЛТ через 36 месяцев после лучевого лечения показала, что нарушения I степени зарегистрированы у двух (3,9%) пациентов. Так же, как и в случае двухлетней поздней ПЛТ эти нарушения характеризовались периодическим наличием видимой примеси крови в кале при дефекации, потребовавшей назначения местной терапии и препаратов железа.

Представленные данные свидетельствуют о том, что выраженная ($\geq$ III степени) поздняя ПЛТ в наблюдаемых группах отсутствовала. С течением времени наблюдается снижение выраженности поздней ПЛТ и в сроки наблюдения от двух до трех лет она, в основном, была представлена признаками незначительной кровоте-

чивости стенки прямой кишки, регистрируемой при дефекации и отмечавшейся у 3,9% больных.

Эффективность БТ-ВМД в режиме монотерапии. Основным и наиболее простым методом контроля за эффективностью БТ-ВМД является определение динамики уровня ПСА. В различные сроки после окончания БТ-ВМД признаки прогрессирования РПЖ были зафиксированы у 9 (4,9%) из 184 пациентов с минимальной длительностью наблюдения не менее одного года, из которых только один больной принадлежал к группе низкого риска рецидива РПЖ. За все время наблюдения ни один из 198 пациентов, получавших БТ-ВМД в режиме монотерапии, не умер по причине прогрессирования РПЖ. Один больной (0,5%) с первично-множественным опухолевым процессом скончался вследствие прогрессирования метастатического рака почки.

В группе, состоящей из 51 больного РПЖ со сроками наблюдения после завершения БТ-ВМД не менее 36 месяцев, трёхлетняя выживаемость больных без признаков биохимического рецидива заболевания составила 94,1% (рис. 1).

Обсуждение

На протяжении многих десятилетий радикальная простатэктомия рассматривалась в качестве основного метода лечения больных РПЖ. Несмотря на совершенствование оперативной техники радикальная простатэктомия остается сложным и травматичным вмешательством, которое сопряжено с высокой частотой нежелательных явлений, в первую очередь, расстройств мочеиспускания, которые отмечаются в 10%-20% случаев, и эректильной дисфункции, наблюдающейся у 50%-80% больных [2, 7, 22]. В последнее десятилетие брахитерапия источниками высокой мощности дозы рассматривается в качестве привлекательной альтернативы хирургическому вмешательству [1, 5]. Ее основным достоинством является высокая эффективность в сочетании с незначительным риском серьезных осложнений лечения [6, 8].

К сожалению, Российский опыт использования БТ-ВМД в режиме монотерапии у больных РПЖ из группы низкого-промежуточного риска ограничивается отдельными наблюдениями [5]. Представленные нами результаты проведения БТ-ВМД в качестве монотерапии больных РПЖ указывает на высокие показатели биохимического контроля (94,5%) на протяжении трехлетнего наблюдения за больными в группе пациентов с низким и промежуточным риском рецидива заболевания. Учитывая литературные данные, указывающие на то, что около 60% биохимических рецидивов РПЖ возникают на протяжении первых 3 лет после окончания терапии [6, 8],

можно предположить, что результаты длительного наблюдения за больными подтвердят высокую эффективность БТ-ВМД.

Хорошая переносимость и низкий риск осложнений рассматриваются в качестве одного из наиболее важных достоинств БТ-ВМД по сравнению с хирургическими методами лечения РПЖ и дистанционной лучевой терапией. Действительно, в представленной группе больных ранние осложнения БТ-ВМД, в основном, были представлены умеренно выраженными (I-II степени) изменениями в виде преходящей гематурии, дизурических явлений, не требующих медикаментозной коррекции. Значимая ранняя и поздняя ПЛТ редко превышает 1% [9, 12, 24]. Нарушения со стороны органов мочеполовой системы встречаются значительно чаще, однако, в большинстве случаев они носят незначительный или умеренный характер (I-II степени). Jaward M.S. et al. [16] оценили уровень токсичности при различных режимах подведения дозы при БТ-ВМД. В исследование вошло 494 пациента ($T \leq T2b$, сумма Gleason ≤ 7 и ПСА ≤ 15 нг/мл). В зависимости от режима БТ-ВМД больные были разделены на следующие группы: 319 человек — 38 Гр за четыре фракции, 79 человек — 24 Гр за две фракции и 96 получили 27 Гр за две фракции. Средний общий период наблюдений составил четыре года (5,5, 3,5 и 2,5 года для 38 Гр, 24 Гр и 27 Гр, соответственно; $p < 0.001$). Острая и хроническая МПЛТ и ПИЛТ (II степени и более) в исследуемых группах были схожими. Умеренная токсичность (до II степени) наблюдалась в виде острой/хронической учащенности мочеиспускания (ургентности) (14%/20%), дизурии (6%/7%), задержки мочеиспускания (7%/4%), недержания мочи (1,5%/2%) и гематурии (1,5%/7%), соответственно. Частота формирования стриктуры уретры составила 0,3%, 2% и 1%, соответственно. Общий уровень ПЛТ при различных режимах был схожим. Острая/хроническая ПЛТ (II степени и более) наблюдалась в виде диареи (1%/1%), болей в прямой кишке (тенезмов) (1%/0,5%), прямокишечных кровотечений (0%/2%) и проктитов (1%/1%). Ни одного случая тяжелой лучевой токсичности (III степени и более) со стороны органов желудочно-кишечного тракта зарегистрировано не было.

Формирование стриктуры уретры рассматривается в качестве одного из наиболее серьезных поздних осложнений лучевого лечения РПЖ. Анализ результатов проведения БТ-ВМД в качестве монотерапии 198 больных РПЖ показал, что частота возникновения стриктуры уретры, требующей хирургической коррекции, наблюдалась в 1,6% случаев. Herschorn S. et al. [14] приводят данные, позволяющие сравнить частоту возникновения стриктуры после различных

видов радикального лечения: РПЭ — в 5-10% (от 1,4% до 29%), различные варианты БТ — в 4%-9% и дистанционной конформной ЛТ — 1%-13%. Местом наиболее частой локализации сужения уретры после БТ является мембранозный отдел (более 90% случаев), в отличие от простатического отдела, где величина поглощенной дозы, как правило, выше, а стенозы уретры встречаются достаточно редко. Mohammed N. et al. [19] объясняют этот феномен цилиндрической формой клинического объема облучения, что приводит при планировании и проведении БТ-ВМД к формированию «горячего» пятна высокой дозы в области бульбозно-мембранозного отдела уретры. После совершенствования программного обеспечения для планирования БТ-ВМД, позволяющего создавать более адекватную трехмерную модель предстательной железы, частота возникновения стриктуры уретры снизилась с 9% до 0% [19].

Другим осложнением, возникающим вследствие проведения конформной ЛТ и оказывающим значимое влияние на качество жизни пациентов, является ЭД. Основными причинами развития ЭД после облучения являются повреждение сосудисто-нервных пучков, сосудов полового члена и ткани кавернозных тел. Эти процессы во много схожи с теми, что имеют место при развитии ЭД после РПЭ. Однако вес отдельных составляющих в формировании ЭД различен. Так, ведущим фактором послеоперационного нарушения потенции является острое (пересечение) или хроническое (послеоперационное воспаление, рубцевание) повреждение кавернозных нервов, которое ведет к снижению выработки нейротрансмиттеров и недостаточной релаксации пещеристых тел [23]. Возникающая вследствие этого гипоперфузия полового члена, в конечном итоге, приводит к снижению эластичности кавернозной ткани, что представляет собой одну из причин развития недостаточности вено-окклюзионного механизма или, так называемой «венозной утечки». При проведении лучевой терапии (БТ, дистанционной ЛТ) на первую роль в патогенезе нарушений эрекции выходит повреждение сосудов полового члена. Эндотелий, выстилающий синусоиды, формирующие кавернозную ткань, капилляры и мелкие внутриорганные артерии, имеет высокую чувствительность к радиационному воздействию. Лучевое повреждение эпителия ведет к стенозу, тромбозу и облитерации сосудистых структур, которые могут прогрессировать на протяжении длительного времени после лучевого повреждения [10].

Частота ЭД при проведении брахитерапии, по данным различных исследователей, варьирует в значительной степени. Так, D. Stemmer и

J. Mulhall [23], проанализировав результаты 20 исследований, проведенных в период с 1995 по 2010 годы, приводят данные о том, что ЭД после БТ встречается 6%-51%, а после сочетанной ЛТ — в 25%-89% случаев. По данным обзора L. Incrocci [17] частота ЭД возрастает в течение первых двух лет после ЛТ и остается относительно неизменной после трех лет наблюдений. Полученные нами данные указывают на то, что после проведения БТ-ВМД частота выраженной ЭД, по сравнению с показателями, полученными до начала лечения, увеличивается на 18%.

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о высокой эффективности БТ-ВМД в качестве метода монотерапии больных локализованным РПЖ. Применение данного метода лечения позволяет достигать 95,5% трехлетней выживаемости без признаков биохимического рецидива заболевания, что сопоставимо с результатами, полученными после радикального хирургического лечения. При этом наблюдаемая частота и выраженность осложнений лечения существенно ниже, что делает внутритканевую брахитерапию источниками высокой мощности дозы одним из наиболее привлекательных методов монотерапии больных локализованным раком предстательной железы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канаев С.В., Новиков С.Н. Особенности высокодозной брахитерапии больных локализованным раком предстательной железы // Вопросы онкологии. — 2013. — Т. 59(5). — С. 645-650.
2. Кызласов П.С., Соколыщик М.М., Байкова Н.В. и др. Недержание мочи после радикальной простатэктомии // Экспериментальная и клиническая урология. — 2015. — №3. — С. 38-41.
3. Новиков С.Н., Канаев С.В., Новиков Р.В. и др. Высокодозная брахитерапия рака предстательной железы в режиме реального времени с использованием источника ¹⁹²Ir (особенности дозиметрического планирования) // Вопросы онкологии. — 2015. — Т. 61. — № 1. — С. 130-136.
4. Новиков С.Н., Канаев С.В., Баянкин С.Н. и др. Рекомендации по лечению рака предстательной железы с помощью высокодозной внутритканевой лучевой терапии (брахитерапии) Экспертное совещание, 17 ноября 2016, Москва // Экспериментальная и клиническая урология. — 2017. — № 3. — С. 10-23.
5. Харченко В.П., Каприн А.Д., Панышин Г.А. и др. Высокодозная брахитерапия рака предстательной железы — технология будущего // Вопросы онкологии. — 2008. — Т. 54(6). — С. 765-767.
6. Barocas D.A., Alvarez J., Resnick M.J. et al. Association between radiation therapy, surgery, or observation for localized prostate cancer and patient-reported outcomes after 3 years // J.A.M.A. — 2017. — Vol. 317. — № 11. — P. 1126-1140.
7. Benoit R.M., Naslund M.J., Cohen J.K. Complications after radical retropubic prostatectomy in the medicare population // Urology. — 2000. — Vol. 56(1). — P. 116-120.

8. Chen R.C., Basak R., Meyer A.M. et al. Association between choice of radical prostatectomy, external beam radiotherapy, brachytherapy, or active surveillance and patient-reported quality of life among men with localized prostate cancer // J.A.M.A. — 2017. — Vol. 317. — № 11. — P. 1141-1150.
9. de Bari B., Daidone A., Alongi F. Is high dose rate brachytherapy reliable and effective treatment for prostate cancer patients? A review of the literature // Crit. Rev. Oncol. Hematol. — 2015. — Vol. 94. — № 3. — P. 360-370.
10. Fajardo L.F. The pathology of ionizing radiation as defined by morphologic patterns // Acta. Oncol. — 2005. — Vol. 44. — № 1. — P. 13-22.
11. Hamdy F.C., Donovan J.L., Lane J.A. et al. 10-Year outcomes after monitoring, surgery, or radiotherapy for localized prostate cancer // N. Engl. J. Med. — 2016. — Vol. 375. — № 15. — P. 1415-1424.
12. Hauswald H., Kamrava M.R., Fallon J.M. et al. High-dose-rate monotherapy for localized prostate cancer: 10-year results // Int. J. Radiat. Oncol. Biol. Phys. — 2016. — Vol. 94. — № 4. — P. 667-674.
13. Heesakkers J., Farag F., Bauer R.M. et al. Pathophysiology and contributing factors in postprostatectomy incontinence: a review // Eur. Urol. 2017. Vol. 71, № 6. P. 936-944.
14. Herschorn S., Elliott S., Coburn M. et al. SIU/ICUD consultation on urethral strictures: posterior urethral stenosis after treatment of prostate cancer // Urology. — 2014. — Vol. 83, suppl. 3. — P. 59-70.
15. Jazayeri S.B., Weissman B., Samadi D.B. Outcomes following robotic-assisted laparoscopic prostatectomy: Pentafecta and Trifecta achievements // Minerva Urol. Nefrol. — 2018. — Vol. 70. — № 1. — P. 66-73.
16. Jawad M.S., Dilworth J.T., Gustafson G.S. et al. Outcomes associated with 3 treatment schedules of high-dose-rate brachytherapy monotherapy for favorable-risk prostate cancer // Int. J. Radiat. Oncol. Biol. Phys. — 2016. — Vol. 94 — № 4. — P. 657-666.
17. Incrocci L. Radiotherapy for prostate cancer and sexual health // Transl. Androl. Urol. — 2015. — Vol. 4. — № 2. — P. 124-130.
18. Mottet N., Bellmunt J., Bolla M. et al. EAU-ESTRO-SIOG guidelines on prostate cancer. part 1: screening, diagnosis, and local treatment with curative intent // Eur. Urol. — 2017. — Vol. 71. — № 4. — P. 618-629.
19. Mohammed N., Kestin L., Ghilezan M. et al. Comparison of acute and late toxicities for three modern high-dose radiation treatment techniques for localized prostate cancer // Int. J. Radiat. Oncol. Biol. Phys. — 2012. — Vol. 82. — № 1. — P. 204-212.
20. Roach M. 3rd. Defining biochemical failure following radiotherapy with or without hormonal therapy in men with clinically localized prostate cancer: recommendations of the RTOG-ASTRO Phoenix Consensus Conference / M. 3rd Roach, G. Hanks, H. Jr. Thames et al. // Int. J. Radiat. Oncol. Biol. Phys. — 2006. — Vol. 65. — № 4. — P. 965-974.
21. Salomon L., Droupy S., You R., Soulié M. The long-term effect of radical prostatectomy on erectile function, urinary continence, and lower urinary tract symptoms: a comparison to age-matched healthy controls // Biomed. Res. Int. — 2017. — DOI: 10.1155/2017/9615080.
22. Salonia A, Burnett AL, Graefen M, Hatzimouratidis K, Montorsi F, Mulhall JP, et al. Prevention and management of postprostatectomy sexual dysfunctions. Part 1: choosing the right patient at the right time for the right surgery // Eur. Urol. — 2012. — Vol. 62(2). — P. 261-272. — doi: 10.1016/j.eururo.2012.04.046.
23. Stember D.S., Mulhall J.P. The concept of erectile function preservation (penile rehabilitation) in the patient after brachytherapy for prostate cancer // Brachytherapy. — 2012. — Vol. 11. — № 2. — P. 87-96.
24. Tselis N., Hoskin P., Baltas D. et al. High dose rate brachytherapy as monotherapy for localised prostate cancer: review of the current status // Clin. Oncol. (R Coll Radiol). — 2017. —DOI: 10.1016/j.clon.2017.02.015.
25. Yang R., Zhao N., Liao A. et al. Dosimetric and radiobiological comparison of volumetric modulated arc therapy, high-dose rate brachytherapy, and low-dose rate permanent seeds implant for localized prostate cancer // Med. Dosim. — 2016. — Vol. 41. — № 3. — P. 236-241.
26. Yoshida K. Comparison of common terminology criteria for adverse events v3.0 and radiation therapy oncology group toxicity score system after high-dose-rate interstitial brachytherapy as monotherapy for prostate // Anticancer Res. — 2014. — Vol. 34. — № 4. — P. 2015-2018.
27. Yoshioka Y., Nose T., Yoshida K. et al. High-dose-rate interstitial brachytherapy as a monotherapy for localized prostate cancer: treatment description and preliminary results of a phase I/II clinical trial // Int. J. Radiat. Oncol. Biol. Phys. — 2000. — Vol. 48. — № 3. — P. 675-681.

Поступила в редакцию 04.04.2018 г.

*S.N. Novikov, S.V. Kanaev, R.V. Novikov, N.D. Iliin,
M.Yu. Gotovchikova, M.M. Girshovich*

Clinical experience of using brachytherapy with high dose rate sources for monotherapy in prostate cancer patients

N.N. Petrov National Medical Research Center of Oncology

The aim of the study: to evaluate efficacy and toxicity of interstitial high-dose-rate prostate brachytherapy when it was used as monotherapy for low-, intermediate risk prostate cancer. Material and methods: 198 primary patients with low-, intermediate risk prostate cancer that were treated from 1.07.2012 to 01.07.2017 were included in the study. Two fractions of 13Gy were used in 67 men, 3 fractions of 11.5Gy – in the remaining 131 patients. The reported end points were overall/cancer-specific survival, biochemical control rates according to Phoenix definition. Toxicity was scored according to the RTOG scale.

Results: The median follow-up time was 28.7 [19.3; 36.6] (10.9-58.9) months. The 3-year biochemical control (nadir+2) was reached in 94.1% cases. Late grade III genito-urinary toxicity was represented by urethral strictures in 1.6% of evaluated patients. Grade III rectal toxicity was not mentioned. IIEF score before treatment was below 16 in 28.8% patients and after brachytherapy – in 52.9% cases.

Conclusion: high dose rate brachytherapy can be effectively and safely used for monotherapy of patients with low-, intermediate risk prostate cancer.

Key words: prostate cancer, high-dose rate brachytherapy, radiotherapy